

В МИРЕ
КНИГ

Летопись Российской академии наук.

Т. 1. СПб.: Наука, 2000. 994 с.; Т. 2. СПб.: Наука, 2002. 621 с.

Выход в свет двух томов “Летописи Российской академии наук” – неординарное историко-научное и культурное событие. Впервые в исследовательский обиход входит издание, в котором широкая панорама истории академии представлена с такой глубиной и детальностью. Здесь нашли отражение практически все стороны академической жизни – от постановки и реализации многообразных научных программ и проектов до сложной и подчас драматичной картины человеческих взаимоотношений. “Летопись” позволяет проследить тонкие механизмы процесса социализации науки в России и постепенного вхождения академии в мировое научное сообщество.

Первый том открывается предисловием и вступительной статьей “На пути к созданию Академии наук” (оба раздела написаны Н.И. Невской и Ю.Х. Копелевич). В предисловии отмечается, что изложение истории РАН в форме летописи позволяет “легче увидеть не только выдающиеся достижения и важнейшие события в науке, но и показать детально труд ученых, их человеческие взаимоотношения, систему руководства наукой, а также влияние на академию перемен в государственной и общественной жизни страны”. Авторы также выразили надежду, что “уникальный опыт взаимоотношения науки и государства в XVIII в. может быть успешно использован и в наше время” (с. 5), правда, они не указали, *какой* именно опыт и *как* может быть использован. Среди “особенностей нашей академии по сравнению с аналогичными зарубежными” центрами в предисловии отмечена способность РАН быстро обрастать “многочисленными вспомогательными учреждениями” (с. 7). Факт действительно занятный и требующий специального анализа.

Во вступительной статье к первому тому детально излагается предыстория создания Академии наук, затрагиваются некоторые стороны ее функционирования на начальном этапе своего существования (1723–1747). В целом изложение вполне традиционно, хотя в отличие от подавляющего числа предшествующих публикаций на данную тему авторы делают акцент на “своеобразии русской академии по сравнению с подобными учреждениями Европы, что диктовалось условиями русской действительности” (с. 25). Так, например, если в зарубежных академиях их члены, по-

мимо “хартии”, разрабатывали также устав, то в Санкт-Петербургской академии, создававшейся “сверху”, главные уставные требования были предусмотрены уже в “Проекте об учреждении Академии наук и художеств”, одобренном Сенатом 22 января 1724 г (с. 25). Кроме того, вместе с собственно академией учреждались два учебных заведения – Университет и Гимназия причем, в совокупности они образовывали триединую систему с общими финансами, штатом и администрацией, что позволяло вести дело “с малыми убытками”, но зато с “авантюжем”, ибо “сия Академия и то чинит, которое Университету или коллегии чинить надлежит” (с. 26). В целом же вступительная статья наглядно показывает, как Петр I и привлеченные им к делу создания академии люди не боялись идти своим путем, умело выбирая между родным и нормальным.

Создатели второго тома, охватывающего 57 лет (1803–1860), ограничились небольшим предисловием (автор М.Ф. Хартанович), в котором краткий обзор характера деятельности академии дан на фоне событий европейской и российской истории. Особенно рельефно описана роль Николая I и С.С. Уварова в формировании новой структуры академии, ее связей с военным ведомством, с высшими учебными заведениями и научными обществами. Благодаря широкому охвату событий и тенденций академической жизни, предисловие помогает читателю ориентироваться в многообразном материале тома.

Что касается хронологической части обоих томов “Летописи”, то в первую очередь обращает на себя внимание ясная прорисовка перипетий отношений российских ученых с академической и правительственной бюрократией. Приведу лишь несколько выразительных фрагментов из I тома.

“1748 г. 24 мая

Канцелярия распорядилась во всех “департаментах” завести тетради, где записывать все случаи “небытия” на службе, опоздания или кто “у дела не дошел”, для вычетов из жалования <...>.

27 мая

В Историческом собрании продолжалось чтение замечаний И.Э. Фишера к “Истории Сибири” Г.Ф. Миллера. 3 июня Миллер задал во-

прос, оставить ли в книге упоминания о грабежах и разбое, чинимых людьми Ермака. Мнения разошлись. По предложению М.В. Ломоносова (полагавшего, что историограф должен быть "человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел критического состояния." – И.Д.) решили эти места "выключить" <...>.

11 августа

Канцелярия определила Ж.Н. Делиля "за непорядочные его поступки" (они состояли в том, что в письме Г.Ф. Миллеру Делиль назвал Академию наук "фантастической корпорацией" (corps fantastic) за то, что в ней всем заправляют не ученые, а Канцелярия во главе с И.Д. Шумахером...) исключить из числа иностранных почетных членов Академии, а за счет его жалования добавить по 100 руб. Г.В. Крафту и Г. Гейнзиусу <...>.

27 сентября

Поскольку И.Г. Гмелин, получив отпуск на год, уехал на родину, а теперь сообщил, что остается в Тюбингене, решено удержать 715 руб. с его поручителей (т.е. с Ломоносова и Миллера – И.Д.) <...>.

19 октября

В Канцелярии обсуждались провинности Г.Ф. Миллера, не прервавшего вопреки приказу связи с Ж.Н. Делилем. Обсуждение продолжалось 20, 29 и 30 октября. М.В. Ломоносову и В.К. Тредиаковскому поручено изъять у Миллера его переписку (т.е. произвести обыск в его квартире. – И.Д.) и доставить в Канцелярию <...>.

23 августа

Представлена диссертация Г.Ф. Миллера "О происхождении народа и имени российского" (где он развивал теорию норманнского происхождения русского народа. – И.Д.). Решено, что ...она может быть обнародована <...>.

6 сентября

Канцелярия распорядилась речью Г.Ф. Миллера "О происхождении народа и имени российского" дать на отзыв И.Э. Фишеру, М.В. Ломоносову, Ф.Г. Штрубе, В.К. Тредиаковскому, С.П. Крашенинникову и Н.И. Попову, "не същется ли в оном чего для России предосудительного", рассматривать сочинение в Конференции каждый день, "пока весь экзамен не кончится" (для чего понадобилось 29 заседаний Академического собрания. – И.Д.). В результате... определено весь тираж "уничтожить" (а три экземпляра и оригинал хранить "в секретной каморе". – И.Д.) <...>.

1750 г. 6 октября

Составлено и 8 октября зачитано ... распоряжение президента об исключении Г.Ф. Миллера

из числа профессоров за многие провинности и переводе на год в число адъюнктов с жалованием 360 руб. в год <...>.

21 февраля

К.Г. Разумовский (с 1746 по 1798 г. президент Академии наук. – И.Д.) распорядился, учитывая рассказание Г.Ф. Миллера, вернуть ему профессорское звание и жалованье 1000 руб. в год... (с. 342–387).

Вообще "Летопись" дает богатый материал по социальной истории российской науки, материал, который позволит вдумчивому читателю уяснить, каким образом наша Академия наук, прихотливо сочетавшая черты казармы, детсада и храма науки, сумела-таки стать одной из важнейших опор российского Просвещения. Хотя, надо признать, составители усердно старались соблюдать, как сейчас говорят, политкорректность, то есть следовать вышеупомянутым рекомендациям М.В. Ломоносова. К примеру, о первом российском академике-химике сказано: "умер профессор химии М. Бюргер" (26 июля 1726 г.), который, в действительности, возвращаясь мертвецки пьяным с именин Л.Л. Блюментроста, вывалился из коляски и разбился насмерть.

Но вернемся к структуре "Летописи". Ее первый том охватывает период с 1724 по 1802 г., то есть время от основания академии, точнее, от первых шагов по ее созданию – контракт с И.Д. Шумахером за подписью Л.Л. Блюментроста об управлении Библиотекой и Кунсткамерой (1 января 1724 г.), записка Петра I об учреждении Академии наук и художеств (13 января 1724 г.) и т.д. – и до ее реорганизации в начале XIX в., когда в сентябре 1802 г. после создания министерств академия была передана в ведение Министра народного просвещения, а в июле 1803 г. Александр I подписал новые Регламент (т.е. Устав) и штаты.

Выбор верхней хронологической границы II тома (1860) его составителями не совсем обоснован. В "Предисловии" сказано лишь, что к середине XIX в. наука в России "ускользала из-под государственного контроля: ведущее научное учреждение страны Академия наук во второй половине XIX в. теряла свое первенствующее значение" (с. 15), и далее отмечается, что "структура академии оставалась прежней" (с. 5). По-видимому, составители "Летописи", желая связать историю и периодизацию деятельности Академии наук с общим контекстом российской истории, выбрали в качестве хронологической вехи события, предшествовавшие и сопутствовавшие отмене крепостного права и иным великим реформам. В принципе такой выбор имеет свои резоны, хотя и несет отпечаток "технического удобства", не

обусловленного перипетиями собственно академической жизни, а потому II том воспринимается, скорее, как полутом.

В качестве основного приема работы составители I тома избрали внимательный просмотр “Протоколов заседаний Конференции Императорской Академии наук” с последующим отбором и изложением, основных отраженных в них событий, ибо “Протоколы” “огромны по объему и разноязычны” и “на русский язык никогда не переводились” (с. 16). Во многих случаях привлекались и другие издания, к примеру, “Материалы для истории Императорской академии наук” (СПб., 1885–1900. Т. 1–10), “Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова” (М.-Л., 1961), а также иные источники, в том числе и архивные.

Во II томе источниковая база шире, хотя ее характер в принципе остался тем же: протоколы заседаний Академии наук, сборники постановлений и распоряжений по Министерству народного просвещения, материалы из изданий отделений академии, протоколы заседаний Общего собрания и отделений и т.д. Такой подход в целом можно считать вполне адекватным поставленной задаче, хотя он и имеет свои минусы: чрезмерная привязанность к протокольной прозе несколько обедняет картину, получающуюся при учете более широкого круга источников, а иногда порождает неясности. Так, например, история разрыва отношений Академии наук с Ж.Н. Делилем (или Делиля с академией) в 1748 г. в том виде, как она изложена в “Летописи” (с. 343–344, 347) у непосвященного читателя может вызвать недоумение: неужели все дело в том, что, как разъяснено на с. 347, Делиль в частном письме Г.Ф. Миллеру покритиковал академическую бюрократию? В энциклопедическом словаре “Ломоносов” (СПб., 1999) эта же история изложена куда более внятно. И подобных примеров можно привести множество. Да, хронология требует лапидарности, в ней всего не расскажешь, но в данном случае речь идет не о количестве слов, а об их выборе и в конечном счете – о логике изложения.

Важной частью издания являются вспомогательные разделы: “Основная литература по истории естествознания и техники” (Т. I), где разделы “Химия” и “Техника” почему-то остались без персоналий, а именные указатели составлены по каждому тому отдельно. В последние включены не только полные имена героев “Летописи”, но и даты их жизни, а также краткие сведения о характере и месте деятельности. Особенно интересен указатель к I тому. Из него читатель узнает, что, к примеру, Коперник – это “выдающийся польский астроном” (с. 954), тогда как Исаак Ньютон – просто “английский физик, математик, астроном, член и президент... Лондонского королевского

общества”, а вот Н.И. Невская – это не просто российский историк науки, но “ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН, кандидат физико-математических наук, доктор философских наук” (с. 968), что звучит – в сравнении с Коперником и особенно Ньютоном – если не весомей, то увесистей. Оценочные характеристики – дело, конечно, неблагоприятное и, кроме того, чреватое забавными казусами. Так, в именном указателе первого тома “Летописи” Академии наук самый звонкий эпитет – “крупнейший” – достался ... Александру Македонскому (с. 925).

Вообще не часто встречаешь издание, в именном указателе которого авторы-составители включили и себя тоже, причем в полном составе. Допускаю возражение: академический издательский стандарт требует включения в именной указатель всех лиц, упомянутых в книге. Но почему тогда там нет упомянутых на с. 2 академиков Ж.И. Алферова, Ю.С. Осипова и других членов редакционной коллегии. В этом плане западный стандарт представляется более логичным – отдельно “Index”, отдельно список “contributors”.

Но не всем фигурантам хронологической части “Летописи” повезло в именном указателе. К примеру, о Штале сказано: “немецкий философ, математик” (с. 988), без дат жизни и расшифровки инициалов, и дана отсылка на с. 58, где читаем: “Отправлено письмо И.Х. Шталю в Берлин с просьбой рекомендовать химика...”. Почему же сия рекомендация испрашивалась у философа и математика? А дело в том, что в действительности речь шла о Георге Штале (1659–1734), немецком враче и химике, коего иногда, даже в XIX в., называли Иоганном. Шталь приезжал в Петербург в 1726 г. (его вызвали еще в январе 1725 г. к умирающему Петру I, но тогда он приехать не смог, а в 1726 г. его пациентами стали развеселая Екатерина I, страдавшая частыми воспалениями легких, и А.Д. Меншиков, коему досаждал геморрой). Шталю был устроен прекрасный прием и при дворе, и в Академии наук (см. “Материалы для истории Императорской Академии наук”. Т. 6. С. 90–91).

Еще меньше повезло ганноверскому аптекарю Андреа, которому от авторов “Летописи” не досталось ни дат жизни, ни инициалов. А между тем речь идет о весьма заметной фигуре в научном мире Европы XVIII в. Герарде Рейнхарде Андреа (1724–1793) (см. о нем: *Hufbauer K. The Formation of the German Chemical Community (1720–1795). Berkeley etc.: University of California Press, 1982. P. 187*). Есть и другие огрехи, к примеру, такая запись: “Августин Октавиан” (речь идет о римском императоре Октавиане Августе); “Алек-

сандр, великий князь” и “Александр I” (Т. 1, с. 925) – это в данном случае одно и то же лицо.

Но, конечно, не досадные мелочи определяют характер рецензируемого издания. Важная заслуга составителей “Летописи” заключается в том, что они сумели показать историю академии не только в подробностях внутриакадемической жизни (что само по себе очень важно), но и в широком историческом и культурном контексте эпохи, в частности, выявить вклад Академии наук в развитие российского образования.

Разумеется, даже при своем внушительном объеме (свыше 1500 страниц на оба тома) “Летопись” не могла включить всю многообразную деятельность академии, но, как мне представляется, ничто существенное упущено не было, и поэтому многолетний и нелегкий труд заслуживает самой высокой оценки как весомый вклад в отечественную культуру и науку.

И.С. ДМИТРИЕВ,

доктор химических наук